

А.С. Б.

Холмская Русь и Поляки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.С. Б.**
Холмская Русь и Поляки / А.С. Б. – М.: Книга по Требованию, 2021. – 50 с.

ISBN 978-5-458-24044-4

ISBN 978-5-458-24044-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

зависимостью отъ австро-польской администраціи, которая со временъ гр. Агенора Голуховскаго ревниво слѣдитъ за недопущеніемъ на галицкихъ и буковинскихъ кафедрахъ опаснаго ученія о племенномъ и культурномъ единствѣ русскаго народа.

Гр. Тышкевичъ долженъ согласиться, что и мазуры „ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть отождествляемы“ съ великополянами или малополянами, а тѣмъ менѣе со слензаками или кашубами, и что, слѣдовательно, на его противопоставленіе „русиновъ“ „москалямъ“ мы всегда можемъ возразить: не слѣдуетъ ли въ такомъ случаѣ и мазуровъ выдѣлить изъ Польши? И этому предложенію можно бы дать историческое обоснованіе, ибо извѣстно, что еще въ XIV в. Мазовія входила по временамъ въ составъ не Польши, а Чехіи; другія же мазовецкія области до XVI в. были подъ Нѣмецкимъ орденомъ,—приблизительно тѣ же, какія нынѣ входятъ въ составъ Восточной Пруссіи.

Утвержденіе гр. Тышкевича, будто „за семь вѣковъ общей исторіи Польша органически слилась съ Холмщиною“, такъ что нынѣ „наиболѣе изящная искусственная оконечность не могла бы замѣнить полякамъ ампутированнаго члена“, основано, очевидно, на предположеніи, что читателямъ „Рѣчи“ вовсе не знакома ни русская, ни польская исторія. Вѣдь кореннымъ фактомъ польской исторіи, начиная съ древнихъ временъ и до самаго паденія Рѣчи-Посполитой, былъ неорганическій характеръ польской государственности. Сначала это былъ союзъ польскихъ удѣловъ съ нѣсколькими династіями,

отчасти онѣмеченными. Со времени же Ягайлы это была федерація или, какъ поляки любили выражаться, унія двухъ государствъ, имѣющихъ отличный племенной составъ (въ Польшѣ польскій, а въ Литвѣ и входившей въ нее Западной Руси главнымъ образомъ русскій), два особыя вѣроисповѣданія (тамъ католическое, здѣсь православное и, впоследствии, униатское), два государственныхъ языка (тамъ латинскій и позже польскій, здѣсь же церковно-славянскій, а позже западно-русскій), двѣ системы права (ср. *Volumina Iegum* и Литовскій статутъ) и даже двѣ отдѣльныя администраціи (тамъ король, здѣсь великій князь, а позже—особые коронные и литовскіе маршалы, канцлеры, гетманы и т. д.). Поляки стремились, правда, ассимилировать обѣ части государства, въ смыслѣ племенномъ и культурномъ, путемъ перенесенія въ Литву и Русь польскихъ колоній, польской шляхты, ксендзовъ, іезуитовъ, польскихъ школъ, языка, законовъ. Но справиться съ этою задачею они никогда не могли. Отсутствіе прочнаго національнаго единства, въ частности же непобѣжденный дуализмъ восточной и западной частей Рѣчи-Посполитой, былъ одною изъ главныхъ причинъ ея паденія.

И въ этомъ дуализмѣ Холмщина, составлявшая издревле органическую часть Волыни и червоно-русскихъ областей, безспорно, всегда принадлежала если не формально, то по существу къ восточной, а не западной части конфедерованнаго государства. Русскій народъ искони населяетъ эту область; къ русской системѣ княжествъ принадлежа-

ла Холмщина со временъ Владиміра Святого; русскіе, а не польскіе государи построили Холмъ, какъ сосѣднее Берестье, а вѣроятно и Люблинъ (поляки назвали бы его Любиномъ); русскіе епископы издревле имѣли въ Холмѣ свой престольный храмъ. И этого коренного факта не могли уничтожить ни червенскіе походы Болеслава Храбраго, ни захватъ червенскихъ городовъ Казиміромъ Великимъ, ни насильственное включеніе Холмщины и Подляшья Люблинскимъ сеймомъ 1569 года въ кругъ воеводствъ малопольскихъ и русско-украинскихъ, ни присоединеніе ея по третьему раздѣлу въ составъ Австріи, а впоследствии—въ герцогство Варшавское и наконецъ въ „Конгрессувку“.

То обстоятельство, что Холмщина въ смыслѣ географическомъ стояла нѣсколько ближе къ Кракову и Варшавѣ, чѣмъ восточная Волина или Бѣлая Русь, и что вслѣдствіе того Холмщина раньше и сильнѣе пришла въ зависимость отъ Польши, чѣмъ эти послѣднія, не измѣняетъ факта исконной принадлежности Холмщины къ культурной системѣ литовско-русскихъ областей. Не мѣняетъ существенно дѣла и то, что послѣ возсоединенія всѣхъ западно - русскихъ униатовъ съ православіемъ, сначала при Екатеринѣ II, а затѣмъ при Николаѣ I, одна Холмщина съ Подляшьемъ оказалась прикованною еще на нѣсколько десятилѣтій къ тѣмъ промежуточнымъ формамъ церковной жизни, какія издавна придумываемы были Римомъ—въ Лионѣ, Флоренціи, Брестѣ—для незамѣтнаго передвиженія православныхъ въ лоно латинской церкви. Только для теоретиковъ догма-

тики унія, хотя бы въ формахъ брестской, представляется ближе къ церкви западной, чѣмъ къ восточной. Для массъ населенія, которыя въ религіозной области питаются болѣе стихіями нравственно-бытовыми и художественно-обрядовыми, чѣмъ догматическими тонкостями, унія, особенно наша западно-русская унія, сохранившая церковно-славянское богослуженіе, старо-русскую обрядность и народную іерархію, всегда представлялась въ тысячу разъ ближе къ церкви православной, чѣмъ къ римской, съ ея латинскимъ богослуженіемъ, напыщенными обрядами и celibатнымъ клиромъ. Потому-то гр. Тышкевичу и не слѣдовало бы такъ высоко-мѣрно относиться къ описанному имъ влодавскому крестьянину, который находилъ, что унія, очищенная въ своихъ обрядахъ, становится для русскаго поселенина настоящимъ православіемъ. Вѣдь не могъ же этотъ крестьянинъ находить послѣднее въ догматическихъ тонкостяхъ *ofilioque*, о папской непогрѣшимости и объ *immaculata conceptio!*..

Этого рода взглядами простыхъ людей на унію объясняются и извѣстныя изъ исторіи римской церкви массовыя соврашенія уніатовъ въ православіе, при первомъ облегченіи надъ народомъ гнета латинниковъ, какъ это имѣло мѣсто и въ византійскихъ владѣніяхъ, и въ венеціанскихъ, и въ австрійскихъ, и въ польско-русскихъ.

Мы не сомнѣваемся, что и въ Холмщинѣ еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка исчезла бы унія, еслибы на эту область распространялась іерархическая власть приснопамятнаго Іосифа Сѣмашко,—не сомнѣваемся

потому, что въ ту пору, подъ вліяніемъ религіознаго движенія на Волыни и въ Бѣлой Руси, нѣсколько униатскихъ приходовъ Люблинской губерніи (Бабичи и другія селенія) добровольно перешли въ православіе и донынѣ вѣрны ему. Объ аналогичномъ настроеніи червоно-русскихъ униатовъ въ Галиціи и Угорской Руси можно судить по энергическимъ усиліямъ замѣнить унию православіемъ въ галицкомъ селѣ Гнилички и закарпатскомъ селеніи Иза.

Но чѣмъ же въ такомъ случаѣ объясняется неудача той попытки возвращенія униатовъ въ православіе, которая имѣла мѣсто въ Холмщинѣ и Подляшѣ въ 1875 г. и которая нынѣ разрѣшилась неожиданнымъ переходомъ въ латинскую церковь 150 или даже, по другому счету, 200 тысячъ коренныхъ русскихъ людей?

Гр. Тышкевичъ объясняетъ этотъ фактъ главнымъ образомъ тремя соображеніями: во-первыхъ, искреннею привязанностью бывшихъ холмскихъ униатовъ къ „римской церкви“, въ которой одной они могли-де „славить своего Бога“ сначала тайно, а потомъ явно; во-вторыхъ, своеобразнымъ составомъ холмскаго духовенства, въ которомъ преобладаютъ-де политическія, а не пастырскія задачи; и, въ-третьихъ, своеобразной миссіонерскою дѣятельностью „бывшаго жандармскаго офицера“, а позже сѣдлецкаго губернатора С. С. Громеки.

Первое изъ приведенныхъ соображеній опровергается тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ что холмскіе униаты тысячу разъ имѣли возможность осуществить свою „преданность рим-

ской церкви“ не только въ періодъ Рѣчи-Посполитой, но и въ эпоху Варшавскаго герцогства и Конгрессовой Польши, когда эта церковь считалась здѣсь господствующею, а прочія лишь терпимыми. Холмскіе уніаты предпочли, однако, тогда „славить своего Бога“ въ церквахъ греко-славянскаго обряда, а не въ латинскихъ.

Въ 1840-ыхъ же годахъ, какъ выше упомянуто, между ними обнаружилось даже сильное стремленіе къ православію, которое, однако, было задавлено уніатской и латинской іерархіей, при содѣйствіи польскихъ пановъ и обычномъ бездѣйствіи русскаго правительства

„Руссификаторское“ направленіе холмскаго православнаго духовенства, со времени воссоединенія въ 1875 г., не могло особенно пугать холмскаго населенія, потому что оно еще со временъ св. Владиміра было русскимъ и этого не стыдилось. Что же касается предпочтенія задачъ политическихъ пастырскимъ, то всему міру извѣстно, что воинствующая церковь римская, съ ея дрессированнымъ celibатнымъ духовенствомъ, не уступала въ этомъ отношеніи никакой другой.

Зато мы вполне согласны съ гр. Тышкевичемъ, что въ неудачѣ воссоединенія въ 1875 г. много провинился С. С. Громека, какъ и тѣ — прибавлю—свѣтскіе и духовные люди, съ гр. Толстымъ и епископомъ Попелемъ во главѣ, которые раздѣляли взглядъ Громеки на характеръ уніи и на способы ея устраненія. Но, по нашему мнѣнію, бѣда заключалась здѣсь не въ томъ, что Громека служилъ прежде „жандармскимъ офицеромъ“, ибо

гр. Тышкевичу должно быть извѣстно, что и знаменитый архимиссіонеръ Игнатій Лойола былъ офицеромъ раньше, чѣмъ сдѣлался основателемъ ордена іезуитовъ. Не вѣрно и то обвиненіе Громеки, будто онъ не понималъ рѣчи мѣстныхъ крестьянъ и введенъ былъ въ заблужденіе приводимой гр. Тышкевичемъ со словъ прот. Н. Ливчака фразой на мѣстномъ просторѣчии. Если бы даже предположить, что Громека, бывший, кажется, самъ малороссомъ, не понялъ такой простой фразы, то при немъ находился отецъ Ливчакъ и многіе другіе мѣстные люди, которые, конечно, всегда могли ему ее растолковать. Грѣхъ и Громеки, и тогдашней греко-ніатской канцеляріи заключался въ томъ, что они не поддержали епископа Куземскаго, который намѣтилъ для Холмской Руси испытанный способъ—незамѣтной замѣны уніи православіемъ—старыхъ церковныхъ дѣятелей, въ родѣ Георгія Конискаго и Юсифа Сѣмашко.

Вторая же ошибка и гр. Толстого, и г. Громеки, и еписк. Попеля состояла въ томъ, что они считали унію какой-то народной религіей, которая будто коренится въ чувствахъ и потребностяхъ массъ населенія, тогда какъ на дѣлѣ это былъ искусственный налетъ, за дѣвавшій только іерархическіе верхи народа, но вовсе не проникавшій въ его толщу.

Если Петръ Скарга, Антоній Поссевинъ и другіе дѣятели русской уніи, слѣдуя конечно инструкціямъ Рима, могли ограничивать свои переговоры по этому вопросу съ одними іерархами русской церкви, а эти послѣдніе считали достаточнымъ вво-

дять исподволь въ свои измѣнническіе планы только подвѣдомственный имъ клиръ и болѣе вліятельныхъ бояръ, вовсе не освѣдомляясь о желаніи или нежеланіи принять унію у народныхъ массъ, то очевидно, что и разуниаченіе русской церкви не должно было касаться послѣднихъ, а ограничиваться высшей, а затѣмъ средней и наконецъ низшей іерархіей, гдѣ собственно и пребывала идея уніи. Такъ поступилъ въ Бѣлороссіи Іосифъ Сѣмашко, вслѣдствіе чего крупный по виду вѣроисповѣдный переворотъ прошелъ для народа почти незамѣченнымъ. Дѣятели же холмскаго воссоединенія требовали подписки на переходъ въ православіе не только отъ священниковъ, но и поголовно отъ каждаго домохозяина, притомъ въ такое время, когда масса населенія была еще безграмотна, почему и избѣгала ставить даже кресты подъ любымъ письменнымъ актомъ! Къ этому присоединилась еще агитація со стороны ксендзовъ и пановъ, на подмогу которымъ даже изъ Кракова пріѣзжали потомъ іезуиты и змартвыхвстанцы, совершавшіе для „упорствующихъ“ „краковскіе браки“ и другія требы.

И все таки, несмотря на указанныя ошибки съ русской стороны и безустанную агитацію съ польской, число „упорствующихъ“ въ Люблинской, а особенно Сѣдлецкой губ. не превышало 80.000 душъ. Подъ вліяніемъ школы и жизни это число, вѣроятно, постепенно сократилось бы до нуля, несмотря на всю польскую агитацію, если бы съ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія не начались постоянныя колебанія въ направленіи и общей

администраціи, и школьнаго дѣла въ русскомъ Забужьѣ. Но окончательный ударъ нанесенъ былъ русскому его населенію смутами нашего лихолѣтя и въ частности тѣмъ терроромъ, какой развитъ былъ въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ мѣстными ксендзами и панами, при преступномъ бездѣйствіи русской администраціи, послѣ изданія манифеста 17 апр. 1905 г. Вотъ въ эту то пору откололись отъ православной церкви не только остатки выше упомянутыхъ 80.000 „упорствующихъ“, но и еще большее число твердыхъ дотолѣ въ православіи русскихъ забужцевъ!

Гр. Тышкевичъ, конечно, изображаетъ все это въ другомъ видѣ: онъ утверждаетъ, будто отложившіеся въ 1905 г. отъ православія, въ количествѣ 200,000 душъ, русскіе люди суть тѣ же самые „упорствующие“, которые въ 1875 г. въ такомъ же количествѣ отторглись отъ уніи и тайно перешли въ лоно римской церкви. Но онъ при этомъ забываетъ, что съ 1875 г. прошло уже 30 лѣтъ, т. е. смѣнилось цѣлое поколѣніе, причемъ большая часть отпавшихъ 1875 г., очевидно, почіетъ уже въ могилахъ; во-2-хъ, если бы его утвержденіе было вѣрно, то могло ли бы случиться, что послѣ 17 апр. 1905 г., какъ онъ самъ увѣряетъ, „цѣлыя приходы остались совершенно безъ прихожанъ“ (значитъ, раньше они были); „въ десяткахъ церквей къ богослуженію не является никто“ (значитъ, раньше являлись); „выдвинулась естественная мысль упраздненія многихъ штатовъ за полной ихъ ненужностью для мѣстнаго населенія“ (слѣдова-

тельно, раньше оно имѣло въ нихъ надобность).

Не допускаетъ гр. Тышкевичъ и явленій польско-католическаго террора, вызванныхъ манифестомъ 17 апр. 1905 г.: „никто, увѣряетъ онъ, не задается замыслами окатоличить или ополячить холмскую Русь“; въ частности же ручается онъ, какъ одинъ изъ польскихъ помѣщиковъ, что „польскій землевладѣльческій классъ нигдѣ не обращается въ орудіе политическаго или религіознаго угнетенія“. Увы, эти голословныя увѣренія опровергаются безчисленными фактами и нашей, и галицкой жизни. Въ представленныхъ холмскими жителями адресахъ, въ живыхъ разсказахъ мѣстныхъ людей, въ газетныхъ сообщеніяхъ множества нашихъ и галицкихъ повременныхъ изданій приведены безчисленные случаи преслѣдованій, угнетеній, изгнаній, даже поджоговъ и смертоубійствъ, имѣвшихъ мѣсто въ цѣлыхъ сотняхъ русскихъ селеній Забужья на почвѣ вѣроисповѣдной агитаціи и террора. Случаи эти, безспорно, были бы констатированы и судебнымъ порядкомъ, если бы наша администрація и суды въ Царствѣ Польскомъ не были охвачены какимъ-то непонятнымъ и возмутительнымъ столбнякомъ по вопросамъ этого рода...

Гр. Тышкевичъ упрекаетъ ген. Гурко за то, что онъ выселялъ въ Сибирь „русиновъ-католиковъ, тайкомъ посѣщавшихъ костелы“, усматривая въ этомъ „напоминаніе эпохи религіозныхъ волненій въ средніе вѣка“. Но, вѣроятно, ген. Гурко выселялъ не всѣхъ такихъ „русиновъ“, а только главныхъ агита-